Об
300
621
М.
1903 г

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,
состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

РОССІЯ

ВЪ 1801 г.

Составилъ Я. Л. Барсковъ.

Педагогическое Общество, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Труды Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

Дб
300
Б26

РОССІЯ

ВЪ 1801 ГОДУ.

Я. Барскова.

СЪ 7-ю РИСУНКАМИ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1903

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою. Москва, 9 марта 1903 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
505667 V

РОССІЯ ВЪ 1801 ГОДУ.

Предлагаемая статья *Я. Л. Барскова:* «**Россія въ 1801 году**» была прочитана 28 января 1901 года, въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ ряду чтеній, устраиваемыхъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Негативы всѣхъ свѣтовыхъ картинъ, показанныхъ при этомъ чтеніи, хранятся въ мастерской А. Анцыферовой (Москва, Арбатъ, Николо-Песковскій пер., д. Грушка) и могутъ быть воспроизведены по желанію заказчиковъ.

Къ статьѣ приложены только нѣкоторыя картины изъ коллекціи, сюда относящейся. Коллекціи отпускаются безплатно въ пользованіе московскихъ учебныхъ заведеній. Хранителя коллекцій Ивана Викентьевича Юркевича (Нижняя Кисловка, д. Азанчевскаго, кв. № 4) можно видѣть отъ 7 до 9 час. вечера, кромѣ каникулярнаго времени.

Россія въ 1801 году.

Россія въ 1801 и 1901 году это — два разныхъ міра. Ихъ раздѣляетъ 19 февраля 1861 года. До освобожденія крестьянъ крѣпостное право проникало во всѣ явленія русской жизни. На крѣпостномъ трудѣ держалось хозяйство имперіи, въ крѣпостной деревнѣ набирали рекрутъ для арміи, крѣпостныхъ людей обучали всѣмъ искусствамъ и мастерствамъ — сапоги тачать и картины писать. Съ паденіемъ крѣпостного права измѣнились учрежденія, порядки и нравы. Вотъ почему безъ исторіи освобожденія крестьянъ нельзя сравнивать Россію въ началѣ и въ концѣ XIX вѣка. Я и далекъ отъ мысли о такомъ сравненіи. Задача моего очерка — напомнить нѣсколько фактовъ изъ далекаго и, можетъ-быть, не всѣмъ извѣстнаго прошлаго, когда всѣ о немъ вспоминаютъ *). Да и вообще не безполезно оглянуться на пройденный путь, и даже хотя бы на одну точку этого пути, если она чѣмъ-нибудь выдается изъ общаго ряда.

Что такое была и что пережила Россія въ 1801 году? Прежде всего, она была много меньше и гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, — бѣднѣе и людьми и средствами.

Россія въ 1801 году занимала площадь въ 300.000 кв. миль; теперь она занимаетъ 400.000, иначе говоря, за 100 лѣтъ имперія увеличилась на 100.000 миль; это — вся Европейская Россія въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ. Но

*) Читано 28 января 1901 года.

дѣло не въ количествѣ владѣній, а въ томъ, что они были тяжелой ношей для правительства и народа вплоть до половины XIX вѣка. Пока судоходныя рѣки и земляныя дороги служили единственнымъ средствомъ для достиженія далекихъ границъ, пространство Россіи было для нея причиной не силы, а слабости. Извѣстны затрудненія, которыхъ не могла одолѣть страна въ роковой годъ севастопольской обороны: непріятель привезъ съ собой въ Крымъ на корабляхъ желѣзную дорогу и балластъ, а мы не могли доставить осажденнымъ ни муки ни пороха.

Правда, въ теченіе XIX вѣка Россія получила 25.000 верстъ шоссе, 25.000 верстъ пароходныхъ участковъ и сѣть желѣзныхъ дорогъ въ 50.000 верстъ; но первое шоссе — между Москвой и Петербургомъ — начато постройкой въ 1816 году, первые пароходы на Волгѣ появились въ 1818 году, первая желѣзная дорога — Царскосельская — открыта въ 1838 г. Слѣдовательно, 100 лѣтъ назадъ въ отношеніи дорогъ Россія была та же, какой засталъ ее Рюрикъ съ братьями.

Теперь мы садимся въ вагонъ прямого сообщенія и черезъ недѣлю читаемъ вывѣски на улицахъ Томска, а въ 1801 году это былъ кратчайшій срокъ для поѣздки въ Петербургъ. Даже иногородная почта ходила тогда со скоростью отъ 10 до 15 верстъ въ часъ.

Раскроемъ нѣсколько нумеровъ „Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ — двухъ единственныхъ газетъ, выходившихъ въ 1801 г. въ Россіи по два раза въ недѣлю: первая — по вторникамъ и пятницамъ, вторая — по средамъ и субботамъ.

Въ 1-мъ № „Петербургскихъ Вѣдомомостей“ (минувшій вѣкъ начался какъ разъ во вторникъ) мы находимъ извѣстія: изъ Вѣны, Парижа, Лондона, Милана и Цюриха, — *всѣ* отъ 1 по 10 декабря, а съ турецкой границы даже отъ 20 ноября 1800 г.; въ экстраординар-

номъ прибавленіи 16 февраля напечатано извѣстіе изъ Лондона отъ 3 февраля; 1 марта пишутъ „съ нарочнымъ“ изъ Люневиля отъ 8 февраля. Запаздываетъ и внутренняя почта: 30 января читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ манифестъ императора Павла отъ 18 января о присоединеніи Грузіи, въ августѣ печатается іюньское письмо изъ Астрахани; въ сентябрѣ — сообщеніе

Дилижансъ начала XIX в. (Съ рисунка того времени).

изъ Вятки отъ 4 іюля. Словомъ, всѣ извѣстія обязательно запаздываютъ недѣли на двѣ, на три и (можетъ-быть, уже не по винѣ почты) — на мѣсяцъ и на два. Прибавьте къ этому значительный срокъ для доставки газетъ куда-нибудь въ Чердынь или Конотопъ, и вы поймете, почему у Гоголя уѣздный судья Тяпкинъ-Ляпкинъ и почтмейстеръ Шпекинъ (а такихъ было много и въ 1801-мъ году) при вѣсти о ревизорѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что будетъ война съ турками и что это все „французъ гадитъ“.

„Чужая сторонушка — дремучъ лѣсъ“ сложилась въ старину пословица. Но и въ родномъ краю, какъ въ дремучемъ лѣсу, блуждало подчасъ само начальство, тщетно разыскивая „грады и веси“, обозначенные только на бумагѣ. Да и бумага, т.-е. географическая карта, не всегда была подъ руками. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ императрица Екатерина II на свой счетъ купила гг. сенаторамъ атласъ Россійской имперіи, замѣтивъ, что они не знали ни городовъ ни провинцій, куда сами назначали правителей.

Впрочемъ, и съ подробнѣйшей картой въ рукахъ трудно было посылать войска и обозы за тысячи верстъ въ случаѣ внѣшней опасности или такихъ волненій, какъ пугачевскій бунтъ.

Только въ наше время Россія побѣдила пространство, и стальные пути прочно сковали ея окраины съ центромъ.

Другое еще большее зло заключалось въ недостаткѣ населенія. Теперь въ Россіи насчитываютъ 130.000.000 жителей и въ томъ числѣ 17.000.000 горожанъ; сто лѣтъ назадъ всѣхъ жителей было въ три съ половиною раза меньше, около 36.000.000, а горожанъ въ 11 разъ меньше — около полутора милліона. Это значитъ, что вся масса народа была раскидана по селамъ, деревнямъ и усадьбамъ, а горожанъ было столько же, сколько ихъ теперь въ одномъ Петербургѣ.

Посмотримъ прежде всего, что представляла собой русская деревня въ 1801 году? „На р. Лугѣ, — читаемъ мы въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, — продается село Горки съ 7-ю деревнями; въ нихъ (за исключеніемъ дворовыхъ людей) мужскаго пола крестьянъ 736 душъ. Земли пахотной, сѣнокосу, лѣсу строевого и дровяного и въ заказныхъ пустошахъ — весьма преизбыточно. Въ селѣ и деревняхъ многіе крестьяне имѣютъ сады фруктовые. Расположены деревни одна подлѣ другой и поле съ полемъ; гдѣ есть

и озера, рыбою изобильныя, и протекающими между деревень рѣчками жители довольствуются. Въ селѣ бываетъ ежегодно съ 8-го іюля (т.-е. на Казанскую) три дня ярмарка. Крестьяне въ наилучшемъ состояніи. Главный ихъ промыселъ — хлѣбопашество. Въ зимнее время продаютъ разный свой хлѣбъ и овесъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ, торгуютъ льномъ и медомъ, получаемымъ изъ

Барская карета начала XIX в. (Съ гравюры того времени).

своихъ пчельниковъ, коихъ во всякой деревнѣ по многому числу. Въ деревняхъ есть свои кузнецы, сапожники, портные, кожевники, плотники, колесники, бочары и шерстобои. Оброкъ платятъ всегда исправно. Земли всѣ обмежеваны безспорно. Строеніе крестьянское выстроено регулярно, почти все новое, хорошаго лѣсу и крыто дранью; въ селѣ Горкахъ имѣется господскій домъ".

Какъ видите, это вотчина богатая, съ медовыми рѣками и кисельными берегами. Такихъ было немного.

Гораздо чаще встрѣчаются объявленія въ родѣ слѣдующихъ: „Продается деревня „Большая Слободка“, — а въ ней мужскаго пола крестьянъ 5 душъ, женскаго пола — 4 души, земли уволока (т.-е. 16 дес.), лошадей 3, коровъ 4, овецъ 7 и свиней 7“; или: „Продается село Скрябино, въ коемъ мужскаго пола 25 душъ, женскаго пола 27 душъ, съ землею и безъ земли, со всѣмъ ихъ имуществомъ и на свозъ“; нашелся и такой помѣщикъ у котораго во всемъ, имѣньѣ было крестьянъ: Василій Ѳедоровъ съ женою Анной, братъ Николай съ женой Настасьей, сынъ Ермолай съ женою Марьей, дочь Федосья, 20 лѣтъ, да сынъ Леонъ 13, съ полуволокою пашни, т.-е. всего одна семья и 8 десятинъ земли“.

Наперечетъ извѣстны фамиліи княжескія, графскія и дворянскія, которымъ принадлежали десятки и сотни тысячъ десятинъ земли съ десятками же тысячъ крѣпостныхъ душъ. То были Шереметевы, Разумовскіе, Строгановы, Воронцовы, Голицыны, Юсуповы, Прозоровскіе, Нарышкины и нѣкоторые другіе. Многіе изъ такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ стали богачами, благодаря щедрымъ раздачамъ земель и крестьянъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I; иные искусно вели свое хозяйство, скупали имѣнья или оставляли ихъ за собой по обязательствамъ неоплатныхъ должниковъ. Въ ихъ рукахъ находилось 80% общаго числа всѣхъ крѣпостныхъ людей, исключая, конечно, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Около 15% всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣли дворяне средней руки, т.-е. такіе, у каждаго изъ которыхъ было отъ 10 до 100 душъ; и лишь 5% крестьянъ принадлежали мелкимъ помѣщикамъ, у каждаго изъ которыхъ не было и 10 душъ. А, между тѣмъ, эти послѣдніе составляли $^1/_3$ всего дворянства, половину его составляли помѣщики средней руки, и лишь $^1/_6$ всѣхъ помѣщиковъ принадлежала къ высшему слою владѣльцевъ.

Наименьшая группа занимала высшее положеніе въ государствѣ: въ ея рукахъ были важнѣйшія должности на военной и гражданской службахъ; въ ея рукахъ сосредоточивались земли и крѣпостные люди. О жизни богатыхъ землевладѣльцевъ съ ихъ дворцами, огромной дворней и широкимъ разгуломъ, равно какъ и о бѣдныхъ полуразвалившихся деревенькахъ мелкой сошки, вы много читали въ сочиненіяхъ Аксакова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого. Я остановлюсь только на хозяйствѣ крѣпостной деревни.

Спрашивается, какіе доходы могъ получать помѣщикъ у котораго былъ десятокъ крѣпостныхъ?

Въ концѣ XVIII вѣка средняя цифра оброка была 7 р. 50 коп. съ души. Значитъ, весь денежный доходъ мелкопомѣстнаго дворянина, по этой оброчной статьѣ, не превышалъ 75 руб. въ годъ; уже богатымъ считался помѣщикъ, у котораго было 100 душъ: онъ получалъ съ нихъ 750 р. въ годъ. Разумѣется, жить на одинъ оброкъ помѣщикъ не могъ и не хотѣлъ, вотъ почему онъ требовалъ еще разныхъ припасовъ натурой, не говоря о барщинѣ, которая въ иныхъ случаяхъ занимала не 3 дня въ недѣлю, какъ полагалось по закону, а 4, 5 и даже всѣ 6. По большей части, сверхъ оброка и барщины, помѣщики требовали отъ крестьянъ, чтобъ они снабжали барскій домъ всѣмъ, что было необходимо въ ежедневномъ обиходѣ и, сверхъ того, исполняли всѣ случайныя работы, напримѣръ: являлись рыть пруды и канавы, чинить мосты и дороги, отвозить рекрутъ въ городъ и проч. Отецъ извѣстнаго вельможи Платона Зубова такъ выражался о своемъ крѣпостномъ хозяйствѣ: „Будучи изъ самыхъ убогихъ помѣщиковъ, я нажилъ себѣ не малое состояніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ мужиковъ моихъ“. Конечно, не всѣ помѣщики поступали какъ Зубовъ, да и не всѣ сами брались за соху и борону, когда не хватало крестьянскихъ рукъ.

Многочисленныя войны и частые рекрутскіе наборы довели хозяйство такихъ помѣщиковъ до того, что они въ послѣдніе годы XVIII вѣка нарушали всѣ законы: продавали крестьянъ на свозъ безъ земли, семьями и въ розницу, продавали въ руки духовенства, купцовъ, мѣщанъ и даже самихъ крестьянъ.

Для этихъ послѣднихъ сдѣлокъ ухитрялись обходить законъ тѣмъ, что давали довѣренность на имя покупщика, какъ будто онъ не покупалъ, а долженъ былъ продать крестьянина; или выдавали письмо, по которому проданный крестьянинъ будто-бы поступалъ въ услуженіе къ купцу или мѣщанину.

Газеты того времени переполнены объявленіями о такой торговлѣ. Вотъ, напримѣръ, въ Москвѣ, близъ Никитскихъ воротъ, въ домѣ Бориса Михайловича Салтыкова, „продается 30 человѣкъ музыкантовъ, обученныхъ роговой музыкѣ, съ ихъ инструментами, которыхъ ежедневно слышать можно“; въ другомъ мѣстѣ „продается кучеръ съ женою-кухаркой, да 3 дѣвки 16, 17 и 18 лѣтъ, обученныя разнымъ рукодѣліямъ и въ тамбуръ шить; по комиссіи продается офиціантъ, весьма расторопный, 20 лѣтъ, точно трезваго и весьма добропорядочнаго поведенія, читать и писать умѣетъ, онъ же хорошій фершелъ, парикмахеръ и исправный камердинеръ, цѣна ему, изъ коей ничего уступлено не будетъ, 685 руб.; за излишествомъ продается конторщикъ; одинъ можетъ конторой управлять, совершенно знающій по правиламъ писать, также — ариѳметикѣ; на Арбатѣ продаются 2 парикмахера,—первому 24 года: онъ знаетъ читать, писать и на флейт-раверсѣ совершенно играетъ, онъ же порядочный егерь“.

То же видимъ и въ Петербургѣ: „Въ домѣ придворнаго лакея продается семья крестьянскихъ людей—мужъ 36 лѣтъ съ женою 40 л., дочерью 13 л., сыномъ 8 и дочерью жъ 6 лѣтъ; продается каменный меблированный домъ, а въ

немъ мальчикъ 14 л.; кто-то за отъѣздомъ продаетъ мужа съ женою и молодую бурую лошадь съ дрожками; а вновь пріѣзжій продаетъ недавно привезеннаго дворовaго человѣка съ женой и малолѣтнимъ сыномъ за 380 р., да пѣнковую довольно обкуренную трубку за 65 рублей".

У крупныхъ владѣльцевъ крестьяне по большей части находились на оброкѣ. Нѣкоторые изъ такихъ помѣщиковъ жили подолгу, а другіе постоянно—не въ усадьбахъ, а въ городахъ. Оставляя въ пользованіе крестьянъ всю землю, съ лѣсами и угодьями, они предпочитали получать ежегодно опредѣленный денежный доходъ. Вотъ почему въ 1801 году бо́льшая половина крестьянъ была свободна отъ барщины. Уплативъ оброкъ помѣщику, крестьянинъ не сидѣлъ безъ дѣла и копилъ деньги на черный день (конечно, если онъ не попадалъ въ руки какого-нибудь Зубова или извѣстной Салтычихи). Такимъ путемъ иные крестьяне получали возможность выкупиться на волю, или, съ разрѣшенія помѣщика, пуститься въ торговыя дѣла. Среди крестьянъ графа Шереметева были, напримѣръ, капиталисты, которые имѣли по 10 и 20.000 руб.; они снимали въ аренду фабрики и заводы, брали казенные подряды и, къ досадѣ купцовъ, отбивали у нихъ выгодную работу.

Въ большихъ имѣніяхъ велось и большое хозяйство; но велъ его обыкновенно не самъ господинъ, а управляющій, или бурмистръ, который рѣдко пропускалъ случай нажиться на счетъ крестьянъ.

Одинъ изъ писателей конца XVIII вѣка вотъ что говоритъ о повинностяхъ крестьянъ: „Подобно пчеламъ, крестьяне сносятъ на дворъ господскій муки, крупы, овса и и прочихъ житъ мѣшки великіе, стяги говяжьи, туши свиныя, бараны жирные, дворовыхъ и дикихъ птицъ множество, коровья масла, яицъ лукошки, сотовъ или медовъ чистыхъ кадки, концы холстовъ, свертки суконъ домаш-

нихъ, къ чему прикащикъ, присовокупивъ отъ господскаго домостроительства сихъ же вещей число несравненно большее, отправляетъ обозы великіе къ барину, въ столичный или другой городъ, гдѣ тотъ домовитый дворянинъ, оставя изобильное количество на годовое употребленіе всего, ему съ домочадцами нужнаго, отсылаетъ остатокъ оныхъ на торжище".

Эти подводы припасовъ для городскихъ домовъ и обозы, которые отправлялись на рынокъ съ рожью, сѣномъ и дровами, были одною изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей. Не легка была и рекрутчина, но всего тяжелѣе считалась работа на фабрикахъ и заводахъ, которые обыкновенно устраивались въ богатыхъ вотчинахъ. Помѣщики курили вино и гнали спиртъ, поставляли сукна на армію, топили сало, выдѣлывали кожи, ткали полотна для казны и на продажу, устраивали руду для чугуна и желѣза.

Всѣ работы исполнялись обыкновенно самими крестьянами, начиная съ постройки фабрики и кончая доставкой продукта на рынокъ.

Въ настоящее время общее число фабрикъ и заводовъ доходитъ до 40.000 съ количествомъ рабочихъ въ 1.700.000 и съ производствомъ въ 2.750.000.000 рублей; сто лѣтъ назадъ — всѣхъ фабрикъ и заводовъ насчитывали 2.400, рабочихъ около 100.000, а производство оцѣнивали не свыше 25.000.000 руб. Впрочемъ, не всѣ 100.000 рабочихъ были крѣпостными; изъ нихъ половина были вольнонаемными, какъ и не всѣ фабрики и заводы принадлежали дворянамъ. Въ 1798 г. императоръ Павелъ возстановилъ отмѣненное Екатериной право купечества прикупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Эти послѣдніе получили въ XIX вѣкѣ названіе поссессіонныхъ, въ отличіе отъ вотчинныхъ, принадлежавшихъ дворянамъ.

Стоитъ отмѣтить хотя бы количество рабочихъ на такихъ деревенскихъ фабрикахъ: въ имѣніи Окулово, Ря-

занской губерніи, работало на суконной фабрикѣ крѣпостныхъ 88 душъ мужского пола и 86 женскихъ; на полотняной фабрикѣ у князя Щербатова, въ Ярославскомъ уѣздѣ, работало зимою 80 душъ крѣпостныхъ, а лѣтомъ 15—20 человѣкъ; на бумажной фабрикѣ Озеровыхъ было мастеровыхъ — крестьянъ и дворовыхъ 17 человѣкъ. Какъ-то странно прилагать къ подобнымъ предпріятіямъ самое названіе фабрики, когда въ наши дни не считается исключительной цифра въ 5—10 тысячъ рабочихъ на одной прядильнѣ или ткацкой въ Москвѣ, въ Лодзи, Иваново-Вознесенскѣ.

Вообще, можно сказать, что населеніе Россіи въ 1801 г. было поглощено не всесторонней разработкой естественныхъ богатствъ края, а земледѣліемъ и близкими къ нему отраслями сельскаго хозяйства.

Одна изъ ближайшихъ къ земледѣлію отраслей — винокуреніе — была и развита шире другихъ: всего тогда выкуривали на казенныхъ и вотчинныхъ заводахъ до 20 милл. ведеръ вина, теперь же выкуривается вчетверо больше. Изъ другихъ статей можно указать на заготовку льна и пеньки, изстари составлявшихъ главные предметы русскаго вывоза.

Въ сторонѣ отъ сельскаго хозяйства развивалась добыча металловъ, но и та шла очень вяло: такъ, напримѣръ, въ концѣ XVIII вѣка Россія получала ежегодно 40 пудовъ золота и 10 тысячъ пудовъ чугуна; теперь она добываетъ золота — въ 50 разъ больше (2 тыс. пуд.) и плавитъ чугуна въ 13 разъ больше (130 тыс. пуд.). Скотоводство, лѣсной промыселъ и другія статьи хозяйства—всѣ имѣли цѣлью удовлетворять нуждамъ и потребностямъ туземнаго населенія: въ общемъ, вывозъ достигалъ ничтожной сравнительно цифры въ 60 милліоновъ; теперь онъ превышаетъ 720 милл., т. е. увеличился въ 12 разъ.

Итакъ, въ Россіи въ 1801 г. не было удобныхъ путей сообщенія, крупной промышленности и обширной тор-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
505667

говли; отсюда понятно и слабое развитіе городской жизни.

Мы видѣли, что всѣ городскіе обыватели того времени могли бы умѣститься въ одномъ Петербургѣ нашихъ дней.

Германъ, изучавшій Россію въ первомъ десятилѣтіи минувшаго вѣка, насчиталъ въ ней около 600 городскихъ поселеній и лишь половину изъ нихъ призналъ сколько-нибудь похожими на города.

„Многія мѣста,—говоритъ онъ,—называются городами единственно по важности оныхъ въ разсужденіи управленія, рекрутскихъ наборовъ, собиранія податей, отправленія правосудія и, наконецъ, для облегченія крестьянъ, кои часто принуждены бываютъ ходить за 500 верстъ и болѣе для взноса денегъ, для привода рекрутъ и колодниковъ и по дѣламъ своимъ въ судебныя мѣста. Другіе названы городами по хозяйственнымъ видамъ: для размноженія ярмарокъ, для сосредоточенія мануфактурной промышленности въ выгодныхъ мѣстахъ, наконецъ, по торговымъ видамъ... Хотя мѣсто называлась городомъ, но промышленность онаго оказывалась земледѣльческой, и народонаселеніе не умножалось до такой степени, чтобы доставить ему наименованіе города. Видно, что государство сіе всегда пребудетъ въ высшей степени земледѣльческимъ“.

Онъ раздѣлилъ всѣ города, исключая обѣ столицы, на 6 классовъ: въ I-мъ—было 5 городовъ съ населеніемъ отъ 30 до 60 тыс., то были: Вильна, Казань, Тула, Астрахань, Рига; теперь въ нихъ отъ 110 до 280 тыс.; въ послѣднемъ, VI классѣ, было 128 городовъ съ населеніемъ отъ 45 человѣкъ до 1000; теперь въ нихъ отъ 1 тыс. до 15 тыс., и лишь 23 города на всю имперію имѣютъ жителей меньше 1 тысячи.

Германъ высчиталъ также, что во всѣхъ губерніяхъ число каменныхъ домовъ не превышало 18 тысячъ; пусть онъ

ошибся на 50 на 100%, — все-таки количество ихъ окажется ничтожнымъ для площади въ 300 тысячъ кв. миль.

Вотъ какъ описываетъ императрица Екатерина II Симбирскъ, который она посѣтила во время своего путешествія по Волгѣ: „Городъ самый скаредный, и дома всѣ въ конфискаціи (т. е. взяты въ казну за долги и недоимки); не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ домы, нежели сіи *лучинки* имѣть въ странной собственности?“ (т. е. въ казнѣ).

Въ одномъ указѣ 1801 г. объ упраздненіи уѣзднаго города Токмака мы читаемъ, что—въ городѣ „не оказалось никакой удобности“ для пребыванія тѣхъ самыхъ властей, ради коихъ онъ былъ основанъ: въ немъ не оказалось даже „строенія, въ коемъ бы чиновники и пріѣзжіе, по надобностямъ до судовъ, могли бы безъ нужды и утѣсненія тамошнихъ жителей помѣщаться“. Рѣшено было перевести *градскія* учрежденія въ мѣстечко Орѣхово, гдѣ находилось 300 дворовъ и (чтобъ и здѣсь не было утѣсненія поселянамъ) отпустили изъ казны на постройку присутственныхъ мѣстъ кирпича на 2.236 руб. 1 коп.

Во всей неприкосновенности засталъ Гоголь эти захолустные центры мѣстнаго управленія, откуда, по словамъ городничаго, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Читая „Мертвыя души“, легко населить такой городъ живыми людьми: это — чиновники, толстые и тоненькіе, купцы, мѣщане, солдаты, рабочіе и дворовые люди; по дѣламъ службы и отъ нечего дѣлать, т.-е. отъ скуки, проживали здѣсь и дворяне-помѣщики, предоставляя бурмистрамъ и старостамъ сгонять крестьянъ на барщину и брать съ нихъ оброки, безъ которыхъ иной баринъ и шагу бы не ступилъ въ „губерніи“ или столицѣ.

Вотъ нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о городахъ XVIII вѣка. Многіе изъ нихъ состояли всего изъ

одной улицы; встрѣчались тамъ и буераки, мимо которыхъ опасно было ходить, и мосты, по которымъ страшно было ѣздить; бревна нерѣдко замѣняли мостовую даже на главныхъ улицахъ; въ переулкахъ стояла пыль и грязь, а зимой возвышались сугробы; многіе дома были крыты соломой; случалось, что въ городѣ вовсе не было лавокъ, и торговля производилась только въ базарные дни; пріѣзжіе должны были помѣщаться на постоялыхъ дворахъ и въ грязныхъ гостиницахъ; о чистотѣ и убранствѣ и помину не было.

Недалеко ушла отъ провинціи и сама Москва. Она представляла собою какъ бы нѣсколько городовъ, селъ и деревень, собранныхъ въ одну груду. Улицы были то донельзя узкія, то не въ мѣру широкія, со множествомъ переулковъ, закоулковъ и тупиковъ. На мѣстѣ Театральной площади и окружающихъ ее зданій были поля, покрытыя травой и грязью; по теченію рѣки Неглинки былъ оврагъ, и тамъ, гдѣ теперь Сандуновскія бани, на высокомъ обрывѣ стоялъ домъ актера Сандунова. Барскія хоромы были окружены обширными дворами и тѣнистыми садами. Къ такимъ усадьбамъ примыкали ряды избъ, крытыхъ тесомъ и дранью.

Мостовыя содержались плохо и то лишь на бойкихъ улицахъ. Отъ Екатерининской больницы до Страстного монастыря шелъ обширный пустырь, поросшій кустарникомъ; ходить и ѣздить въ такомъ мѣстѣ было небезопасно отъ множества жуликовъ. По линіи бульваровъ тянулись валы и рвы. Изгороди и заборы, въ десятки и сотни саженъ, придавали улицамъ унылый видъ.

Вотъ газетное объявленіе за 1801 г.; по немъ можно судить, какія хоромы встрѣчались въ допожарной Москвѣ*).

„Въ Арбатской части, между Тверской и Никитской, на валу, въ Земляномъ городѣ, продается большой каменный

*) Т.-е. до 1812 г.

меблированный домъ; при немъ садъ въ англитскомъ вкусѣ съ балконами, оранжереями, теплицами и парниками; на дворѣ 5 корпусовъ, 3 каретныхъ сарая, 2 конюшни о 18 стойлахъ и надъ всѣми сараями и конюшнями наметы для сѣна; тутъ же 2 ледника съ напогребицами, амбаръ съ закромами для хлѣба, 24 покоя для людей и при оныхъ 30 чулановъ, сверхъ того, подъ „палатами“ — въ

Московская улица въ концѣ XVIII в. (Съ рисунка того времени).

нижнемъ этажѣ—для людей 10 жилыхъ покоевъ, большая кладовая, большая кухня, сухой погребъ для винъ“,— однимъ словомъ, недостаетъ только березовой рощи съ грибами, чтобы назвать всѣ эти постройки на нынѣшнемъ Тверскомъ бульварѣ богатой усадьбой.

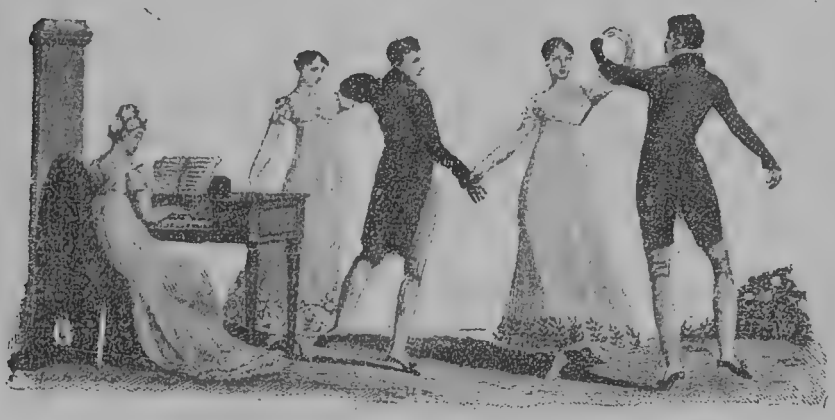
Хоть и нескладно, но вѣрно замѣтилъ Скалозубъ:

„Пожаръ (Москвы) способствовалъ ей много къ украшенью“.

Полковникъ Скалозубъ началъ службу въ 1809 г.; въ 1801-мъ онъ видѣлъ, вѣроятно, и старый сенатъ въ Нѣмецкой слободѣ, и Петровскій театръ Медокса близъ Кузнецкаго Моста, и театръ Столыпина на Знаменкѣ, и книжную лавку Куртенера на Никольской, гдѣ продавался лучшій французскій табакъ Де-ла-Фермъ... Онъ, навѣрно, побывалъ въ манежѣ Эвальда на Лубянкѣ, куда ежедневно пріѣзжали благородныя особы обоего пола учиться верховой ѣздѣ, и вмѣстѣ со всѣми въ гостиныхъ обсуждалъ вопросъ о новой болѣзни, инфлюэнцѣ, которая истребила въ Амстердамѣ въ одну недѣлю 300 человѣкъ.

Москва, по обычаю, веселилась на святкахъ, еще больше — постомъ, когда воцарился императоръ Александръ I, и того больше осенью — во время коронаціи. Вотъ нѣсколько спектаклей этого года: 2-го января шла въ Петровскомъ театрѣ комедія „Бѣдность и благородство души“, а послѣ нея балетъ „Фламандскія увеселенія“; 4 января — комедія „Серебряная свадьба“, а послѣ нея балетъ „Обманутая старуха“; 6 января — опера „Старинныя святки“, а послѣ нея вмѣсто балета — маскарадъ; 24 января, послѣ трагедіи „Освобожденная Москва“, музыкантъ г. Столыпина Татариновъ игралъ концертъ на віолончели; 15 февраля капельмейстеръ Керцелли исполнилъ съ оркестромъ и хоромъ ораторію Гайдена „Сотвореніе міра“ съ текстомъ въ переводѣ Карамзина; 17 марта россійская пѣвица Елизавета Сандунова съ большимъ оркестромъ, хорами и роговой музыкой давала концертъ изъ новой оперы „Наталья боярская дочь“... Молодежь веселилась на балахъ въ двухъ академіяхъ — въ „*музыкальной*“ у г. Лекеня и въ „*танцовальной*“ у г. Морибеля. Правъ былъ Фамусовъ, что московскія невѣсты всегда умѣли принарядиться: цѣлыя страницы „Московскихъ Вѣдомостей“ заняты списками модныхъ матерій и головныхъ уборовъ; очевидно, былъ спросъ на косметики и бездѣлки, если су-

дить по слѣдующему объявленію: „Продаются за Москвой-рѣкой, на Полянкѣ, въ домѣ купеческой жены Петровой, у мамзель Вагнеръ, вновь привезенные товары: С. Петербургская личная помада, которая придаетъ нѣжность лицу, жасминная помада и другихъ цвѣтовъ; одеколонъ и одславандъ трехъ сортовъ, духи лучшіе, новоиспытанная помада отъ веснушекъ, отъ которой въ два мѣсяца какія бы то ни было веснушки истребятся; румяны, доставляющія натуральный цвѣтъ, сургучъ вмѣсто облатокъ для писемъ;



Костюмы начала XIX в. (Съ литографіи того времени).

дорожная бумага, на которой, написавъ водою, окажутся черныя литеры; математика съ секретомъ (игра—выдумка г. Пинетти); симпатическія рыбки, по которымъ узнаются темпераменты людей; нѣмецкій шуваксъ лучшій; уксусъ четырехъ разбойниковъ и шоколадъ разныхъ цѣнъ".

Такъ, книжная лавка торгуетъ табакомъ, а парфюмеръ продаетъ ваксу; нѣтъ нужды перечислять, какіе товары перемѣшивались въ другихъ магазинахъ. Москва была центромъ торговли, это — правда; но сама торговля еще не развилась до спеціальныхъ оптовыхъ складовъ.

Спрашивается, откуда же правительство могло получать средства для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей

и нуждъ страны, если крестьяне и помѣщики перебивались со дня на день продуктами крѣпостного труда, а вся торговля вращалась на перепродажѣ немногихъ товаровъ заграничнаго или кустарнаго производства? Русская фабрика въ концѣ XIX в. занимаетъ уже 4-е мѣсто въ мірѣ по числу веретенъ и перерабатываетъ 12.000.000 пуд. привознаго хлопка; сто лѣтъ назадъ ввозъ хлопка не превышалъ 16.000 пуд., при чемъ для обработки его у насъ не было ни одной паровой машины.

Благодаря широкому развитію производительныхъ силъ страны во второй половинѣ XIX в., государственные доходы возросли до 1.700.000.000 р. по смѣтѣ на 1901-й годъ; сто лѣтъ назадъ весь бюджетъ выражался ничтожной цифрой въ 64.000.000 р.; чеканка золота въ первые три года нынѣшняго царствованія дала 270.000.000 р., а въ 4 года царствованія императора Павла было выбито золотой монеты въ 90 разъ меньше, — всего на 3.000.000 рублей.

Понятно, что крайняя нужда въ деньгахъ роковымъ образомъ отразилась на всемъ строѣ государственной жизни.

Теперь остановимся на томъ — какія явленія въ области внутренней и внѣшней политики пережила Россія въ 1801 г.?

1 февраля 1801 года императоръ Павелъ со всей семьей переѣхалъ въ Михайловскій замокъ. Государь былъ очень доволенъ этой постройкой, напоминавшей ему времена рыцарства. Замокъ былъ окруженъ глубокими рвами и гранитными брустверами; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были пушки съ боевыми снарядами; вокругъ раскинулась пустынная площадь, окаймленная садами; въ разныхъ направленіяхъ ее пересѣкали аллеи липъ и березъ; каждая изъ нихъ упиралась въ желѣзныя ворота замка; противъ главнаго фасада устроенъ былъ обширный плацъ для смотровъ и парадовъ; проникнуть внутрь крѣпости можно было не иначе, какъ черезъ подъемные мосты; им-

Императоръ Павелъ I.

ператоръ объявилъ дворецъ загороднымъ и учредилъ для него особую почту: два раза въ день при звукѣ трубы она привозила письма и рапорты.

Однако, жить во дворѣ было небезопасно для здоровья. Сырость была такъ велика, что въ спальняхъ пришлось выложить стѣны сверху до низу деревомъ. Печи не могли согрѣть и осушить воздухъ. Бархатъ, которымъ обиты были стѣны въ парадныхъ покояхъ, началъ покрываться плѣсенью. Въ большой залѣ непрерывно поддерживали

огонь въ огромныхъ каминахъ, и все-таки по угламъ появлялся ледъ. Густой туманъ постоянно наполнялъ всѣ помѣщенія замка. Видъ этой грозной твердыни вполнѣ отвѣчалъ привычкамъ и настроенію императора.

Павелъ Петровичъ вставалъ въ 5 часовъ утра, умывался и обтиралъ лицо льдомъ; въ 6 часовъ онъ принималъ государственныхъ людей съ докладами, въ 8 — кончались аудіенціи; затѣмъ онъ посѣщалъ какія-либо учрежденія и обязательно присутствовалъ на вахтпарадѣ. Въ 12 ч. онъ выходилъ къ обѣду въ сопровожденіи всей семьи. Когда императоръ садился за столъ, водворялось глубокое молчаніе, котораго никто не прерывалъ раньше главы дома; послѣ обѣда онъ отдыхалъ немного и отправлялся по городу или въ садъ на прогулку; вечеромъ во дворцѣ собирался домашній кружокъ; государыня сама разливала чай; но долго не засиживались: императоръ ложился спать въ 8 ч. вечера и вслѣдъ за этимъ во всемъ городѣ гасили огни; на большихъ улицахъ разставлялись рогатки и караулы, по городу и его окрестностямъ разъѣзжали конные патрули; въ домахъ, гдѣ не хотѣли спать, закрывали окна занавѣсками и ставнями; повсюду водворялись темь и тишина.

Одинъ современникъ такъ передаетъ впечатлѣнія этихъ дней: „И погода стоитъ какая-то темная, нудная; по недѣлямъ солнца не видно; не хочется изъ дому выйти, да и небезопасно; кажется, и Богъ отъ насъ отступился“.

Эти впечатлѣнія сложились не вдругъ и не подъ вліяніемъ дурной погоды. Уже съ первыхъ дней царствованія императора Павла русское общество находилось въ глубокомъ раздумьѣ. Современники передали намъ два противоположныхъ настроенія, при которыхъ вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ.

Вигель въ своихъ запискахъ даетъ такой отзывъ о временахъ Екатерины: „При ней все шло какъ бы само собою:

Михайловскій замокъ въ Петербургѣ въ началѣ XIX в. (Съ акварели того времени).

очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго столь же пріятно была пробуждена громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ".

Авторъ говорилъ правду. Никогда еще русскіе люди не погружались до такой степени въ грезы о собственномъ величіи, какъ въ этотъ блестящій и самонадѣянный вѣкъ. Самые смѣлые проекты быстро слѣдовали одинъ за другимъ; не успѣлъ еще Платонъ Зубовъ разработать проектъ имперіи съ 6-ю столицами — въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, С-Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, какъ Потемкинъ создаетъ въ безлюдномъ краю планъ города, въ „коемъ будутъ и храмъ великолѣпный и судилище, наподобіе древнихъ базиликъ, и лавки полукружіемъ, наподобіе пропилей съ биржею и театромъ посрединѣ, фабрика суконная и шелковая, губернаторскій домъ во вкусѣ греческихъ прелестныхъ зданій и университетъ купно съ академіею музыкальною..."

Въ самомъ дѣлѣ: что общаго между этими пышными планами и суровой русской дѣйствительностью конца XVIII вѣка? Развѣ это не сладкіе сны?

Иначе думали о „временахъ очаковскихъ и покоренья Крыма" люди противоположнаго взгляда. Вотъ нѣсколько строкъ изъ записки, представленной гр. Воронцовымъ императору Александру въ 1801 г. и озаглавленной — „О Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка": „Царствованіе Екатерины, — говоритъ авторъ, — конечно, было съ большимъ блескомъ; но нельзя не признать, чтобы сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено. Войны, хотя, кромѣ шведской, и со славою кончены, и сіе царствованіе въ Россіи между славными почитаться можетъ, но и бѣдствія въ теченіе онаго таковы были, что не могутъ также непамятными остаться. Учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма

ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое „Учрежденіе о губерніяхъ“ считалось почти въ тягость; да и люди едва ли уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая по естественной кончинѣ сей государыни и воспослѣдовала“.

Эти два противоположныхъ взгляда на XVIII вѣкъ долго боролись въ русскомъ обществѣ; старики, въ родѣ Фамусова, съ восторгомъ и завистью вспоминали Максима Петровича: „не то на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ“... молодежь, въ родѣ Чацкаго, съ негодованіемъ слушала, какъ этотъ самый Максимъ Петровичъ вышелъ въ люди, только благодаря своей гибкой шеѣ и крѣпкому затылку.

Самъ цесаревичъ Александръ — еще юношей — писалъ графу В. П. Кочубею:

„Милый другъ! Мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ мерзостей, совершаемыхъ на каждомъ шагу для полученія отличій, не стоящихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями. Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ границъ“...

Императоръ Павелъ вступилъ на престолъ съ непреклоннымъ рѣшеніемъ устранить эти недостатки и началъ съ того, что удалилъ бо́льшую часть вельможъ и чиновниковъ минувшаго царствованія. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ преобразованій во всемъ строѣ государственой и частной жизни. Эти преобразованія не удовлетворяли, однако, ни тѣхъ, кто

былъ недоволенъ правленіемъ Екатерины, ни тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ одну свѣтлую сторону; не былъ ими удовлетворенъ и самъ императоръ Павелъ: онъ видѣлъ, что его усилія пересоздать Россію вызываютъ глухой ропотъ, и потому сталъ съ недовѣріемъ относиться даже къ близкимъ сотрудникамъ. Вотъ почему и были такъ тревожны первые дни новаго вѣка, унылые тяжелые дни, не предвѣщавшіе яснаго утра.

Это утро настало 12 марта 1801 г. Манифестъ о воцареніи Александра вызвалъ бурный взрывъ радости въ обѣихъ столицахъ. Современники оставили много разсказовъ о восторгѣ, съ какимъ встрѣтилъ народъ молодого царя.

„На улицахъ люди плакали отъ радости, — говоритъ Шишковъ, — обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія“.

Въ Москву манифестъ былъ привезенъ 15 марта княземъ Долгорукимъ: „Это одно изъ тѣхъ воспоминаній, — говоритъ Вигель, — которыхъ время истребить не можетъ: нѣмая, всеобщая радость, освѣщенная яркимъ весеннимъ солнцемъ! Ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ!..“

Это увлеченіе минутой дошло до легкомыслія въ той и другой столицѣ. Едва узнали, что на престолѣ Александръ, какъ тотчасъ воспользовались правомъ ввести новую моду на прически, костюмы, экипажи, запрещенные при Павлѣ; косички были уничтожены, и букли обрѣзаны; круглыя шляпы и сапоги съ отворотами немедленно показались на улицахъ; дамы, не теряя времени, облеклись въ новые туалеты; экипажи съ модной упряжью и форейторами понеслись по всѣмъ направленіямъ: „Къ концу апрѣля, — говоритъ очевидецъ, — кое-гдѣ еще встрѣчались старинные однобортные кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ“.

Общая радость была тѣмъ сильнѣе, что государь никому не выразилъ своего гнѣва или немилости.

Лишь трое должны были подать въ отставку, потому что давно уже возбуждали всеобщее неудовольствіе: генералъ-прокуроръ Обольянинновъ, оберъ-шталмейстеръ Кутайсовъ и генералъ Эртель. Зато сколько опальныхъ изъ Москвы и провинціи потянулось въ Петербургъ! Сколько отставленныхъ снова получили свои чины и должности!

Въ одномъ только указѣ 15 марта, т.-е. черезъ три дня по вступленіи Александра на престолъ, былъ помѣщенъ списокъ въ 153 человѣка, подлежавшихъ прощенію и освобожденію; число ихъ къ 21 марта возросло до 482.

Вообще число лицъ, которымъ возвращены были служебныя и гражданскія права, по указу 15 марта, простиралось до 12 тысячъ. Но молодой царь не остановился на этихъ первыхъ милостяхъ. „Склоняясь,—какъ онъ самъ выражался,—къ возстановленію всего того, что въ государствѣ по сіе время противу добраго порядка вкоренилось“, Александръ Павловичъ почти ежедневно въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ издавалъ указы, пролагавшіе путь къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя составляютъ основу современнаго строя.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ указовъ:

14 марта снято запрещеніе вывоза разныхъ продуктовъ изъ Россіи.

15 марта возстановлены дворянскіе выборы по губерніямъ.

16 марта снято запрещеніе ввоза разныхъ товаровъ изъ-за границы.

22 марта разрѣшенъ свободный пропускъ черезъ границу ѣдущихъ изъ Россіи и въ Россію.

31 марта снято запрещеніе на ввозъ въ Россію книгъ и нотъ изъ-за границы; и тогда же повелѣно распечатать частныя типографіи.

2 апрѣля возстановлена жалованная грамота дворянамъ и городамъ и уничтожены въ городахъ висѣлицы, на которыхъ прибивали имена провинившихся.

9 апрѣля уничтожены мучительные для солдатъ пукли.

5 іюня состоялся знаменитый указъ сенату съ изложеніемъ общихъ взглядовъ государя на сущность основныхъ законовъ.

„Если бъ я даже могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ бы этого, — говорилъ императоръ, — потому что признаю власть, основанную на законахъ“.

Въ сентябрѣ дворъ и государь прибыли въ Москву для коронаціи. Она совершилась 15-го числа; въ этотъ день, кромѣ Всемилостивѣйшаго манифеста, данъ былъ указъ объ учрежденіи комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ.

Вопреки установившемуся обычаю, награды не отличались щедростью и вовсе не было роздано имѣній и крестьянъ. Когда кто-то все же просилъ государя объ этой послѣдней милости, Александръ отвѣтилъ:

„Большая часть крестьянъ въ Россіи — рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“.

Указомъ 27 сентября была уничтожена пытка и запрещались всякіе пристрастные допросы; повелѣвалось, чтобъ и самое названіе пытки, „стыдъ и укоризну человѣчеству носящее“, изглажено было навсегда изъ памяти народной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ іюнѣ былъ учрежденъ негласный комитетъ, въ который вошли молодые друзья Александра: графъ Строгановъ, князь А. Чарторійскій, Новосильцевъ и графъ Кочубей.

Ближайшая задача комитета заключалась въ подготовительной работѣ къ тому, чтобы начать реформы различныхъ частей администраціи.

Члены комитета пользовались привилегіей обѣдать за царскимъ столомъ. Послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся; но пока остальные гости разъѣзжались, четыре избранника вводились чрезъ особый входъ въ небольшую комнату, смежную съ внутренними покоями Ихъ Величествъ. Туда приходилъ государь, и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по вопросамъ о предстоящей реформѣ.

Вся дѣятельность молодого государя вызывала неподдѣльный восторгъ общества.

Были, однако, голоса недовольныхъ и новымъ вѣкомъ и новымъ правленіемъ.

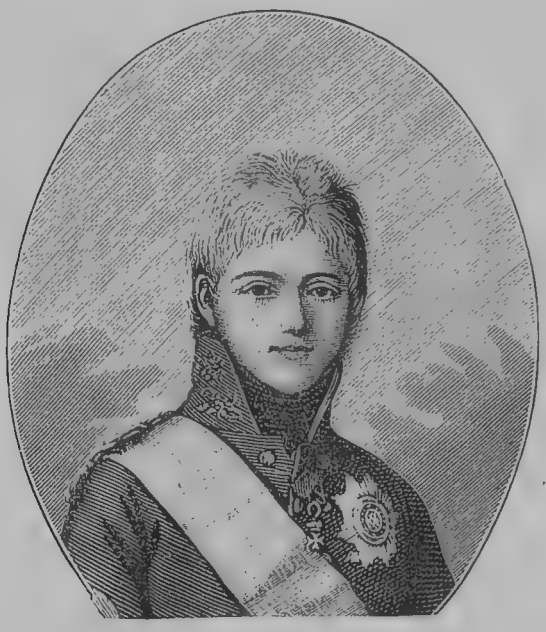
Они нашлись среди поклонниковъ далекой старины, преимущественно среди лицъ старшаго поколѣнія. Къ нимъ, напримѣръ, примкнулъ Державинъ. Хотя онъ и написалъ на событіе 12 марта хвалебную оду и даже такую, что ея не пропустила цензура, находя въ ней слишкомъ рѣзкіе намеки на правленіе императора Павла, но ему не по душѣ пришлись реформы молодого монарха и особенно его совѣтники. Недоволенъ былъ и другой современникъ — Шишковъ: „Молодые наперсники Александровы, — пишетъ онъ, — напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности ни познаній, стали всѣ прежніе въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными“.

Повторяю, это были одинокіе голоса, и они не могли, конечно, заглушить общаго восторга. „Если бы государь, — читаемъ мы у одного современника, — составилъ совѣтъ свой изъ пятнадцатилѣтнихъ юношей, то и его постановленія были бы приняты, какъ плоды высокой мудрости“.

Молодая Россія была безъ памяти влюблена въ молодого Александра.

Такъ, въ области внутренней политики въ 1801 году Россія вступила на путь государственныхъ преобразованій, составляющихъ основу современнаго строя.

Чтобы понять международное положеніе Россіи въ 1801 г., надо вспомнить, какіе вопросы волновали тогда



Императоръ Александръ I.

Западную Европу. Для этого достаточно привести два-три „перечня“, или письма изъ современныхъ газетъ. Изъ Вѣны пишутъ отъ 24 декабря 1800 г.: „Истекающее столѣтіе оканчивается здѣсь съ величайшимъ безпокойствомъ и опасеніемъ; всѣ способные владѣть оружіемъ жители должны будутъ выступить противъ непріятеля; въ случаѣ нужды будутъ употреблены и здѣшніе студенты для защиты столицы“. Изъ Лондона отъ 5 декабря 1800 г.: „Г. Джонсъ говорилъ въ парламентѣ рѣчь противъ войны, — вотъ ея содержаніе: министры пріемлютъ во вниманіе, указуя на

выгоды войны, лишь собственные доходы. Мы приближаемся уже къ тому состоянію, въ какомъ Франція находилась до революціи, и скоро у насъ будутъ одни только богатые или бѣдные. Система канцлера произвела однихъ ростовщиковъ, кои суть истинныя піявицы. Они составили свое счастіе посредствомъ войны и бѣдствія другихъ людей. Замки ихъ, расходы и экипажи равняются съ королевскими въ великолѣпіи. Армія набирается посредствомъ голода, какъ то было въ Робеспьеровы времена. Народъ до крайности уже истощенъ налогами на бѣдныхъ, на соль и на всякіе частные доходы. Я почитаю министровъ за поколѣніе Молоха, которое увеселяется войною и голодомъ". Изъ Парижа отъ 26 декабря: „Первый консулъ Буонопарте ѣхалъ слушать въ театрѣ первое представленіе піесы Гайдна „Сотвореніе міра", но по дорогѣ былъ взрывъ, угрожавшій его жизни" (далѣе слѣдуетъ описаніе извѣстной „адской машины").

Итакъ, Англія изнемогаетъ отъ бѣдствій войны; Вѣна ждетъ въ стѣнахъ своихъ непріятеля, т.-е. французовъ; во главѣ французской республики стоитъ генералъ Бонапартъ. Но вотъ 28 января 1801 г. въ Вѣнѣ думаютъ, что „будетъ заключенъ союзъ между Россіей, Австріей и Франціей, по силѣ коего Австрія получитъ Боснію и Сербію, а остальная часть Европейской Турціи достанется въ удѣлъ сыну нѣкотораго Великаго Монарха". Что значитъ это извѣстіе съ явнымъ намекомъ на императора Павла и его наслѣдника? Могло ли оно попасть въ русскія газеты, если бы въ самомъ дѣлѣ не было подобнаго проекта? Слухъ былъ вѣрный и, по обыкновенію, нѣсколько запоздавшій. Въ началѣ царствованія императоръ Павелъ рѣшилъ противиться всѣми мѣрами, какъ писали тогда, „неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія". Возмущенный ея „богомерзкимъ правле-

ніемъ", онъ 23 декабря 1798 г. заключилъ договоръ съ Турціей и присоединился къ европейской коалиціи (союзу) противъ Франціи, „коей развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка угрожали спокойствію народовъ". Затѣмъ, послѣ итальянскаго похода Суворова, произошелъ новый поворотъ въ русской политикѣ, да и во Франціи директорія смѣнилась консульствомъ.

Европейская коалиція распалась; произошелъ разрывъ между Россіей, Австріей и Англіей, и завязались дружественныя сношенія съ Франціей. Согласно порученію императора Павла, осенью 1800 г., графъ Растопчинъ составилъ проектъ раздѣла Турціи между Австріей и Россіей при помощи Франціи. Къ тому времени прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ русскій императоръ былъ магистромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на островѣ Мальтѣ. Англичане, господствовавшіе на всѣхъ моряхъ, угрожали острову, и Павелъ Петровичъ хотѣлъ сломить ихъ могущество, заключивъ союзъ сѣверныхъ державъ—Швеціи и Даніи—съ Австріей и Франціей. Первый консулъ благосклонно принялъ русскаго посла, и 18 декабря 1800 г. Павелъ Петровичъ уже писалъ Бонапарту: „Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается". Вскорѣ послѣ этого предварительнаго и тайнаго соглашенія союзъ Россіи и Франціи сталъ для всѣхъ явнымъ дѣломъ. 23 января 1801 г. во Флоренціи генералъ Мюратъ далъ пышный обѣдъ русскому послу и пригласилъ его въ театръ. Посланникъ сидѣлъ въ ложѣ Мюрата, въ антрактѣ ему изъ сосѣдней ложи подали русское знамя. Соединивъ его съ французскимъ, посолъ воскликнулъ: „Да соединятся могущественнѣйшія и величайшія державы ко всеобщему благоденствію!" Обѣ враждебныя стороны начали гото-

виться къ войнѣ. Въ февралѣ былъ заключенъ Люневильскій миръ между Франціей и Австріей, и въ парижскихъ газетахъ уже писали: „Въ январѣ 1800 г. Англія имѣла половину Европы союзниками противъ Франціи; въ январѣ 1801 г. Франція имѣетъ три четверти Европы противъ Англіи". Приготовленія этой послѣдней были громадны: она вооружила до $1^1/_2$ милл. человѣкъ, т.-е. $^1/_{10}$ часть всего населенія и до 800 судовъ.

Первый консулъ составилъ проектъ похода въ Индію и ждалъ, какъ отнесутся къ нему въ Россіи. Но Павелъ Петровичъ рѣшилъ дѣйствовать быстро и самостоятельно,— завоевать Индію при помощи казаковъ, а если нужно будетъ, то и пѣхоты.

12 января 1801 г. онъ писалъ атаману войска Донского: „Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать — и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше всего ожидаютъ. Заведенія ихъ въ Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре. Отъ Оренбурга любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите прямо въ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ... Приготовьте все къ походу. Богатство Индіи будетъ вамъ наградою... Здѣсь прилагаю карты, какія у меня есть".

Въ концѣ рескрипта была приписка: „Карты мои идутъ только до Хивы и до Аму-дарьи рѣки, а далѣе уже ваше дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ". На другой же день императоръ писалъ атаману: „Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи, идите отъ Инда до Гангесъ, мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы китайцамъ не досталась; въ Хивѣ освободите нашихъ плѣнныхъ подданныхъ". Въ концѣ февраля казаки выступили въ походъ. Ихъ тотчасъ встрѣтили грозныя препятствія: рас-

путица и половодье нарушили маршрутъ; трудно было доставать продовольствіе людямъ и кормъ лошадямъ: „тѣхъ и другихъ покинули на дорогѣ не малое число“,— доноситъ начальникъ экспедиціи. Въ половинѣ марта подошли къ Волгѣ; ледъ уже таялъ, и часть одного полка провалилась,— ее спасли крестьяне. Кое-какъ перебравшись черезъ Волгу, донцы тронулись вверхъ по рѣкѣ Иргизу; они все еще тянулись къ Оренбургу, когда 12 марта на престолъ вступилъ императоръ Александръ. Онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ мира и прежде всего установилъ дружественныя сношенія съ Англіей. 5 іюня послѣдовала англо-русская конвенція; 26 сентября заключенъ мирный договоръ съ Франціей, и еще въ маѣ произошелъ обмѣнъ дружественными письмами съ австрійскимъ дворомъ. Во многихъ засѣданіяхъ негласнаго комитета обсуждались вопросы внѣшней политики, и всѣ мнѣнія сводились къ тому, чтобы держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ дѣлъ.

Самъ государь выразилъ эти намѣренія въ письмѣ къ графу Воронцову: „Я постараюсь слѣдовать преимущественно національной системѣ, т.-е. системѣ, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Если я найду это выгоднымъ для Россіи, я буду хорошъ съ Франціей, какъ теперь та же самая выгода побуждаетъ меня поддерживать дружбу съ Великобританіей“.

Эта національная система, дѣйствительно, развязывала руки Александру и давала ему возможность сосредоточить все вниманіе на внутренней дѣятельности.

Къ этому стремленію русскаго царя къ миру современники присоединяли настойчивое желаніе мира и среди остальныхъ государствъ Европы.

Осенью 1801 года, т.-е. какъ разъ вскорѣ по заключеніи договора между Россіей и Франціей, начались мир-

ные переговоры между заклятыми врагами: генераломъ Бонапартомъ и англійскимъ правительствомъ. Газеты и журналы были переполнены слухами о томъ, что готовилось въ Амьенѣ: туда именно явились уполномоченные отъ обѣихъ державъ. То пишутъ, что въ англійскихъ кофейняхъ бьются объ закладъ, будто мирный трактатъ не будетъ подписанъ въ 1801 году, то какой-то гражданинъ проѣхалъ въ коляскѣ съ надписью „миръ“ и тѣмъ вызвалъ восторгъ толпы, кричавшей: „миръ навсегда“; то указываютъ, что „заключеніе мира будетъ самымъ славнымъ дѣломъ Буонапартія“. Съ 1802 г. сталъ выходить у насъ „Вѣстникъ Европы“ Карамзина со множествомъ политическихъ статей: всѣ онѣ имѣютъ одну и ту же основную идею — прославить Россію и Францію за ихъ миролюбивую политику.

„Первому году новаго вѣка“, — читаемъ мы въ февральской книжкѣ, — „принадлежала слава общаго мира, который былъ необходимостью всѣхъ народовъ послѣ долговременныхъ бѣдствій“.

Война не могла уже имѣть прежней цѣли своей. „Опасныя и безразсудныя якобинскія правила“, которыя вооружили противъ республики всю Европу, исчезли въ самомъ своемъ отечествѣ.

Но не даромъ говорится: „Хочешь мира, готовь войну“, т.-е. имѣй хорошее войско. Въ этомъ отношеніи императору Александру оставалось сдѣлать, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ въ остальныхъ вопросахъ государственной жизни.

Въ настоящее время Россія имѣетъ около 1 милліона 200 тысячъ солдатъ, а въ случаѣ войны можетъ выставить до 3-хъ мил. съ оружіемъ новаго образца и въ полной аммуниціи. Ежегодный расходъ военнаго и морского министерствъ составляетъ теперь около четырехсотъ двадцати милліоновъ рублей, т.-е. менѣе $^1/_4$ всего государственнаго расхода. Военную повинность несутъ всѣ классы

населенія: срокъ службы — 18 лѣтъ: пять лѣтъ „подъ знаменами“ и 13 — „въ запасѣ“.

Въ концѣ XVIII вѣка полагалось имѣть около полумилліона войска, а въ наличности было менѣе половины и этого количества, не исключая мѣстныхъ гарнизонныхъ войскъ и губернскихъ командъ, хорошо вамъ извѣстныхъ по „Капитанской дочкѣ“ Пушкина. Военный расходъ въ тридцать два милліона рублей поглощалъ половину всего государственнаго расхода.

Итакъ, за 100 лѣтъ цифра военныхъ расходовъ возросла въ тринадцать разъ, но въ отношеніи ко всему государственному расходу она упала съ половины до одной четверти, а, между тѣмъ, вооруженныя силы страны увеличились вчетверо въ мирное и въ шесть разъ въ военное время.

Русская армія XVIII вѣка пополнялась рекрутскими наборами. До Екатерины II дѣйствовалъ „воинскій уставъ“ Петра Великаго; при ней было издано „Генеральное учрежденіе о сборѣ въ государствѣ рекрутъ“; его основная часть удержалась въ XIX вѣкѣ вплоть до указа Александра II о всеобщей воинской повинности. Любопытно, что главный принципъ этого послѣдняго закона и другія начала русскаго военнаго быта опредѣлены въ законодательствѣ Екатерины и въ трудахъ ея полководцевъ — Румянцева, Суворова, Потемкина, Репнина, Чернышева и др.

„Защита отечества, — читаемъ мы въ указѣ, изданномъ за годъ до смерти Екатерины, — и огражденіе предѣловъ безопасности суть предметы *общихъ* усилій и возможности и долгъ обязанности всѣхъ и каждаго“. Послѣдовавшій за этимъ указомъ наборъ произведенъ былъ со всего государства, не исключая окраинъ, которыя прежде были свободны отъ рекрутчины. При наборѣ полагалось соблюдать между семьями очередь, и рекруты должны были вынимать жребій.

Всякое вмѣшательство чиновниковъ строго воспрещалось; владѣльцы, конечно, могли отдавать своихъ крѣпост-

ныхъ внѣ очереди, но продажа рекрутъ во время набора была уже запрещена. Срокъ службы былъ ограниченъ 25 годами, а для нѣкоторыхъ областей 15-ю. Заведены были сельскохозяйственные магазины для лучшаго довольствія войскъ на пути. Наконецъ, многое измѣнилось въ дисциплинѣ, обученіи, вооруженіи.

„Облегча человѣка,— писалъ Потемкинъ,— я далъ однакоже все, что можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Армія русская, извлеченная изъ муки, не престанетъ возносить молитвы, а солдатъ будетъ здоровѣе и, лишась щегольскихъ оковъ, поворотливѣе и храбрѣе. Туалетъ солдата долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ". Вотъ примѣръ этого облегченія: до Потемкина обмундированіе кирасира было вѣсомъ въ два пуда девять и три четверти фунта, не считая сѣдла; при Потемкинѣ вѣсъ его — сорокъ одинъ фунтъ; одна шляпа кирасирская до Потемкина вѣсила три съ четвертью фунта, при немъ — три четверти фунта; сапоги стали легче на три съ половиной фунта, карабинъ — на два фунта, палашъ на пять фунтовъ. Наконецъ, Екатерина отмѣнила въ войскахъ батожье, кошки и плети безъ суда, „ибо такія наказанія не суть исправительныя, а сущая казнь".

Эта армія совершила много подвиговъ и создала громкую славу имперіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Но были въ ней и недостатки, которые рѣзко бросались въ глаза. На нихъ-то и обратилъ вниманіе преемникъ Екатерины. Просматривая списки гвардейскихъ офицеровъ, императоръ Павелъ отмѣтилъ въ нихъ огромное количество сержантовъ и вахмистровъ, которые вовсе не появлялись на ученьяхъ и парадахъ: они и не могли явиться по той простой причинѣ, что многіе изъ нихъ еще не выходили изъ пеленокъ, иные даже и не родились, ибо въ екатерининское время заботливые родители заранѣе запасались полковыми свидѣтельствами „на всякій слу-

чай". Павелъ Петровичъ желалъ самъ служить примѣромъ для общества избалованныхъ „гвардіонцевъ", какъ ихъ называлъ впослѣдствіи Скалозубъ. Прежде всего императоръ потребовалъ, чтобы не было въ полкахъ ни малѣйшей роскоши и никакой изнѣженности. Муфты и шубы были обычнымъ явленіемъ въ старой гвардіи; офицеры екатерининскихъ временъ, стоявшіе на караулѣ, одѣвались иногда въ халаты, и случалось даже такъ, что жена надѣвала мундиръ мужа и отбывала за него службу; бархатные камзолы, шелковые чулки, башмаки съ брилліантовыми пряжками были обычнымъ туалетомъ гвардейца и рѣзко противорѣчили взглядамъ Павла Петровича на долгъ и службу солдата.

У него уже были свои служаки — солдаты его гатчинскихъ баталіоновъ. Они привыкли къ суровой дисциплинѣ и способны были производить ученья по 12 часовъ къ ряду, не сходя съ поля. Тотчасъ по восшествіи на престолъ, Павелъ Петровичъ вызвалъ своихъ гатчинцевъ въ Петербургъ и, конечно, поставилъ ихъ въ образецъ старымъ гвардейцамъ. Легко понять враждебныя чувства прежняго войска по отношенію къ новымъ порядкамъ.

Замѣчательно то, что Державинъ и Шишковъ, косо глядѣвшіе на сотрудниковъ молодого Александра въ гражданскихъ реформахъ 1801 года, такъ же косились и на сотрудниковъ императора Павла въ дѣлѣ военной реформы. „При появленіи гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ, — говоритъ Державинъ, — все пріяло другой видъ: загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоеваніи города ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ". — „Все пошло на прусскую стать, — добавляетъ Шишковъ, — мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонасъ-гаузы, экзерциръ-гаузы и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою будокъ и проч.".

Невольно спрашиваешь себя, что сказалъ бы авторъ объ усахъ и пестрыхъ будкахъ, если бы ихъ ввела Екатерина, а не Павелъ I?

Отсюда видно, что новые порядки осуждались въ обществѣ безъ достаточной обдуманности, и это обстоятельство вынуждало императора настойчивѣе стремиться къ намѣченной цѣли: новые порядки коснулись не одной гвардіи, а распространились на всю армію. Герои войнъ Екатерины, какъ Суворовъ, не хотѣли, конечно, стать на одну доску съ Аракчеевымъ, который не сдѣлалъ ни одного похода. Суворовъ за свои рѣзкіе отзывы о гатчинской обмундировкѣ войскъ угодилъ въ ссылку; лишь ко времени итальянской войны императоръ вызвалъ изъ деревни стараго любимца солдатъ. Но успѣхи русскихъ войскъ въ Италіи не улучшили положенія военнаго дѣла въ Россіи. До самаго вступленія на престолъ Александра продолжалось новое устройство русскаго войска. Екатерининскіе порядки были разрушены, а новые еще не окрѣпли. Мы видѣли, что указъ 9 апрѣля избавилъ русское войско отъ косичекъ и пуклей, но гораздо важнѣе былъ вопросъ о введеніи винтовальныхъ ружей, о лучшей организаціи рекрутскихъ наборовъ, о снабженіи войска провіантомъ, о постройкѣ запасныхъ магазиновъ и проч. Всѣ эти заботы въ 1801 году уже сознавались, но преобразованія послѣдовали лишь со времени учрежденія министерствъ въ 1802 году.

Итакъ, въ началѣ XIX вѣка Россія нуждалась въ хорошо устроенномъ войскѣ, въ новыхъ учрежденіяхъ для суда и управленія, въ улучшеніи народнаго и государственнаго хозяйствъ и, наконецъ, — въ отмѣнѣ крѣпостного права, которое являлось главнымъ зломъ всей жизни. Всѣ эти задачи сознавало правительство императора Александра; но были еще двѣ, нисколько не уступавшія остальнымъ по своему значенію: страна нуждалась въ мирѣ и просвѣщеніи.

Мы видѣли, что молодой государь дѣятельно стремился къ миру. Что предстояло сдѣлать для русскаго просвѣщенія?

Школа, наука, литература, искусство, это—великія силы въ наши дни; мы знаемъ ихъ великое значеніе. Мы знаемъ также, что имена русскихъ художниковъ и писателей получили теперь всемірную извѣстность. Но сто лѣтъ назадъ мы съ полнымъ правомъ могли примѣнить къ себѣ слова, сказанныя Гёте о Германіи: „Мы—нѣмцы—все еще варвары, — писалъ онъ Эккерману, — хотя и многому научились въ XVIII столѣтіи: пройдетъ еще сто-двѣсти лѣтъ и тогда, можетъ-быть, мы будемъ называться людьми".

Замѣтьте, — это говоритъ Гёте о Германіи своего времени и времени Шиллера и Канта! Что бы сказалъ онъ о Россіи Державина и Карамзина?

Въ этихъ двухъ именахъ воплощается вся русская образованность 1801 года, и оба автора молчали, пока не вступилъ на престолъ императоръ Александръ.

Впрочемъ, и во второмъ полугодіи Державинъ ограничился одой на 12 марта и всецѣло занялся службой. Карамзинъ, напротивъ, энергично принялся за работу: онъ выпустилъ 2-мъ изданіемъ „Письма русскаго путешественника", написалъ „Похвальное слово Екатеринѣ" и далъ въ немъ общій обзоръ ея царствованія; перевелъ текстъ ораторіи Гайдена „Сотвореніе міра"; объявилъ въ газетахъ программу „Вѣстника Европы" на 1802 г. и готовилъ для него матеріалы по всѣмъ отдѣламъ, не исключая политическаго.

Это молчаніе Державина и кипучая дѣятельность Карамзина выражали наглядно смѣну двухъ литературныхъ теченій: съ первымъ замирала ложно-классическая поэзія, со вторымъ оживала сентиментальная школа. Но и та скоро должна была уступить передъ русскими романтиками и реалистами: Жуковскому въ это время шелъ 18-й годъ, и онъ печаталъ свои стихотворенія въ „Утренней Зарѣ",

которую издавали тогда воспитанники университетскаго благороднаго пансіона; Грибоѣдову исполнилось шесть лѣтъ, и уже сталъ на ноги, т.-е. научился ходить, двухлѣтній, не по возрасту бойкій, Александръ Пушкинъ.

Если въ творчествѣ Державина и Карамзина можно замѣтить начала народности, то ничего русскаго не было въ академическомъ направленіи тогдашней архитектуры и живописи. Среди художниковъ 1801 г. можно найти не мало и русскихъ, но они были правовѣрными учениками итальянскихъ и французскихъ мастеровъ. Самой крупной художественной новостью 1801 г. былъ Михайловскій замокъ императора Павла, достроенный Бренномъ по плану Баженова. Лишь въ крѣпостной деревнѣ, гдѣ дворовые люди, по заказу своихъ господъ, писали голландскія картины на темы изъ русской жизни, можно встрѣтить первые шаги національной школы. Въ той же деревнѣ жила русская музыка и прежде всего народная пѣсня. Мы видѣли, что изъ дворовыхъ людей былъ составленъ оркестръ Салтыкова, что продавались флейтисты, что крѣпостной человѣкъ Столыпина игралъ въ театрѣ на віолончели. Эта крѣпостная музыка была необходимой принадлежностью барскаго стола; безъ нея не обходились танцы, ей развлекался въ захолустной глуши одинокій и одичалый помѣщикъ. Наконецъ, музыкантовъ требовалъ театръ, на которомъ ставились иностранныя и русскія оперы. Высоко цѣнилось всегда на Руси и церковное пѣніе. Но чѣмъ выше были требованія не къ исполнителямъ, а къ самимъ творцамъ музыкальныхъ произведеній, тѣмъ дальше уходило искусство отъ родной почвы. Ни Бортнянскій ни Козловскій не были оригинальными въ своемъ творчествѣ; для нихъ, какъ и для публики, образцами были итальянцы Сарти и Чимароза.

Итакъ, повидимому, крѣпостная усадьба содѣйствовала развитію русскаго искусства, но ей недоставало

школы, и лучшія творческія силы гибли, не успѣвши расцвѣсть.

Правительство при своемъ скудномъ бюджетѣ могло затратить на дѣло народнаго образованія въ 1801 году не болѣе 700 тысячъ рублей, т.-е. въ 47 разъ меньше, чѣмъ теперь, если не считать общественныхъ расходовъ.

Дѣти дворянъ и духовенства обучались дома или въ сословныхъ школахъ, а купцы и мѣщане не отдавали дѣтей въ городскія училища, а если отдавали, то рѣдко доводили ихъ до окончанія курса; народной школы вовсе не было, да и не могло быть при господствѣ крѣпостного права. Даже въ такихъ усадьбахъ, гдѣ наиболѣе гуманные помѣщики заводили школы, крестьяне упорно уклонялись отъ обученія дѣтей грамотѣ: они боялись, что за грамотность ихъ возьмутъ отъ сохи во дворъ.

Гдѣ были такія школы, тамъ учили приходскіе дьячки, либо дворовые люди; учитель получалъ жалованья 6-7 рублей въ годъ, а когда онъ не придетъ въ школу или въ „шумствѣ“ явится (т. е. випивши), съ него вычитали по 10 коп. въ день штрафу. Мальчиковъ, опять-таки дворовыхъ, отдавали въ школу лѣтъ 5-6. Молитвы и чтеніе по складамъ, иногда письмо, счетъ и пѣніе составляли весь курсъ такой деревенской школы.

Общее число малыхъ и главныхъ народныхъ училищъ, т.-е. уѣздныхъ и губернскихъ городскихъ школъ, было около трехсотъ; учителей въ нихъ считалось не болѣе восьмисотъ, а всѣхъ учащихся до двадцати тысячъ; если прибавить къ этому двѣнадцать тысячъ учениковъ духовныхъ школъ, то мы получимъ лишь одну пятую часть учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ нашихъ дней, не говоря уже о томъ, что общее число всѣхъ учащихся къ концу XIX вѣка возросло въ 130 разъ.

Единственная въ Россіи учительская семинарія была закрыта въ 1801 году, и потому единственный въ Россіи

университетъ — московскій — подготовлялъ въ это время учителей. Средоточіемъ наукъ была петербургская академія. При университетѣ и при академіи были гимназіи; двѣ гимназіи для дворянъ и разночинцевъ существовали также въ Казани; прибавьте къ этому московскій университетскій Благородный пансіонъ, два кадетскихъ корпуса, Смольный институтъ и мѣщанское училище для дѣвицъ, и вы получите всѣ казенныя учебныя заведенія, съ которыми вступила Россія въ XIX вѣкъ. Разумѣется, какъ бы ни былъ ограниченъ тогда кругъ образованныхъ лицъ, этими школами Россія обойтись не могла: въ богатыхъ домахъ набирали „учителей полки“; кто побѣднѣе, бралъ одного учителя, по большей части иностранца. Наконецъ, были частные и школы и пансіоны. Въ 1801 году въ Петербургѣ было открыто три такихъ школы, въ Москвѣ — двѣ. Вотъ какъ объявлено было объ открытіи одной изъ нихъ: „Артиллеріи штыкъ-юнкеръ и привиллегированный въ Москвѣ партикулярный математики учитель Александръ Трофимовъ, сынъ Ѳедоровъ, симъ честь имѣетъ извѣстить почтенную публику, что позволено ему, Ѳедорову, отъ правительства открыть здѣсь, въ Москвѣ, для обученія благороднаго юношества школу, въ коей преподавать онъ, Ѳедоровъ, будетъ, съ доказательствами ариѳметику, геометрію, тригонометрію, теоретически и практически, алгебру, артиллерію и фортификацію, каковую школу онъ и открылъ на Срѣтенкѣ, въ приходѣ Сергія въ Пушкаряхъ, въ Сергіевскомъ переулкѣ. Также онъ можетъ и ѣздить обучать по билетамъ въ дома“.

Любопытно, что и профессоръ математики въ московскомъ университетѣ Аршеневскій не шелъ въ 1801 году со студентами дальше тригонометріи и начальной алгебры, т.-е. тѣхъ самыхъ курсовъ, которые вводилъ у себя привиллегированный учитель Ѳедоровъ. Кому же изъ нихъ отдать предпочтеніе?

Низкому уровню народнаго образованія вполнѣ соотвѣтствовало и состояніе русской печати въ 1801 году. Въ то время выходило восемь періодическихъ изданій и въ десяти типографіяхъ печаталось около 200 книгъ, считая, конечно, названія, а не число экземпляровъ. Теперь число періодическихъ изданій возросло въ сто разъ, число типографій — въ двѣсти разъ, а книгъ печатается семнадцать милліоновъ, т.-е. въ восемь съ половиной тысячъ разъ больше: явился спросъ — оказалось и предложеніе...

Такъ, сто лѣтъ назадъ, крѣпостная Россія ждала народной свободы и народной школы; она получила ту и другую въ великій день 19 февраля: тогда начался для нея новый вѣкъ и новая исторія.

КОНЕЦЪ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Комиссіи по устройству чтеній для учащихся.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ: А. Н. Островскій и его дореформенные типы. Цѣна 20 коп.

Прив.-доц. Н. И. Романовъ: Донателло. (Изъ исторіи итальянскаго искусства XV в.). Цѣна 20 коп.

Прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ: Первый общедоступный театръ въ Россіи. Цѣна 20 коп.

С. П. Моравскій. Людовикъ IX Святой. Цѣна 20 коп.

Проф. П. Г. Виноградовъ. Наканунѣ новаго столѣтія. Цѣна 20 коп.

Л. П. Бѣльскій: И. С. Никитинъ. Цѣна 15 коп.

Прив.-доц. А. Н. Реформатскій. Химія и жизнь природы. Цѣна 20 коп.

Проф. И. А. Каблуковъ: Какъ узнали составъ солнца? Цѣна 20 коп.

Прив.-доц. Г. А. Кожевниковъ: Перелетныя птицы. Цѣна 20 коп.

Проф. К. Э. Линдеманъ: О зависимости животнаго міра отъ человѣка. Цѣна 20 коп.

Его же: О красотѣ въ царствѣ животныхъ. Цѣна 20 к.

В. Д. Соколовъ: Пустыня (физико-географическій очеркъ). Цѣна 20 коп.

Я. Л. Барсковъ: Россія въ 1801 г. Цѣна 20 коп.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ вор., д. Титова, 2) Никольская, домъ Заиконоспасскаго монастыря, 3) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова; **въ С.-Петербургѣ,** Большая Садовая, № 25; **въ Кіевѣ,** Подолъ, Гостиный дворъ; **въ Варшавѣ,** Краковское предмѣстье, д. № 1; **въ Екатеринбургѣ,** Покровскій проспектъ, д. Поповичевой; **въ Одессѣ,** на углу Преображенской и Еврейской улицъ, д. Лѣтника, № 53; **въ Воронежѣ,** Московская улица; **въ Харьковѣ,** Университетская улица, д. № 41, Чикиныхъ; **въ Нижегородской ярмаркѣ,** на Шоссе.

Цѣна 20 коп.